

Научная статья

УДК 821.161.1-6
ББК 83.3(2=411.2)5,3
Ю 16

DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-104-114

**«Не всегда война бич, иногда и спасение»:
философия войны Ф.М. Достоевского**
(Рецензирована)

Артем Александрович Юдахин

*Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова,
Москва, Россия, Artemyudakhin@yandex.ru*

Аннотация:

Статья посвящена исследованию воззрений Ф.М. Достоевского на войну как на теологический, этический, социокультурный и историсофский феномен. Спорадически присутствующая во всем послекаторжном творчестве Достоевского, особое звучание военная тематика получает в записных книжках и статьях «Дневника писателя» накануне и во время Русско-турецкой войны 1877-1878-х годов. Концептуальный анализ эпистолярного и публицистического наследия автора позволяет определить генезис, характерные черты и место про-военных воззрений Достоевского в общей системе мировоззрения писателя.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Дневник писателя», война, историсофия, Русско-турецкая война 1877-1878-х годов, Россия и Европа, И. Кант, Г.Ф. Гегель, католицизм, православие

Для цитирования: Юдахин А.А. «Не всегда война бич, иногда и спасение»: философия войны Ф.М. Достоевского // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2022. Вып. 4 (307). С.104-114. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-104-114

Original Research Paper

**“War is not always a scourge, sometimes salvation”:
F.M. Dostoevsky’s Philosophy of War**

Artem A. Yudakhin

*A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics,
Moscow, Russia, Artemyudakhin@yandex.ru*

Abstract:

The article is devoted to the study of F.M. Dostoevsky’s views on war as a theological, ethical, socio-cultural and historiosophical phenomenon. Sporadically presented throughout Dostoevsky’s post-penal servitude works, military themes receive a special sound in notebooks and articles of the Writer’s Diary on the eve and during the Russian-Turkish War of 1877-1878. The conceptual analysis of the author’s epistolary and journalistic heritage makes it possible to determine the genesis, characteristic features and place of Dostoevsky’s pro-war views in the general system of the writer’s worldview.

Keywords: F.M. Dostoevsky, «Diary of a Writer», war, historiosophy, Russian-Turkish War of 1877-1878, Russia and Europe, I. Kant, G.F. Hegel, Catholicism, Orthodoxy

For citation: Yudakhin A.A. «War is not always a scourge, sometimes salvation»: F.M. Dostoevsky's Philosophy of War // Bulletin of Adyghe State University, Series: Philology and Art Criticism, 2022. No.4 (307). P.104-114. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-104-114

Введение.

Основной период литературного и публицистического творчества Ф.М. Достоевского (1821-1881) пришелся на 1860-1870-е гг. В европейском контексте этот временной промежуток отмечен целой серией международных и локальных конфликтов, вооруженных восстаний и военных столкновений, имевших далеко идущие последствия. Польское восстание в Российской империи (1863-1864), австро-датско-прусская война (1864), австро-прусская война (1866), упразднение Папской области и объединение Италии (1870), франко-прусская война (1870-1871), апрельское восстание в османской Болгарии (1876), русско-турецкая война (1877-1878) — *de facto* все эти военно-политические столкновения наряду с формировавшимся блоковым мышлением («Союз трех императоров», Двойственный союз) не только кардинальным образом изменили расстановку сил в Европе, но и сделали неизбежным наступление следующего исторического фазиса — общеевропейской войны, которая действительно состоялась и переросла в I Мировую войну (1914-1918).

Если мы обратимся к той рассеянной по романам, газетным обзорам и журнальным статьям «книге о Европе» [1], которую, по меткому замечанию Л.П. Гроссмана, написал Достоевский, то обнаружим, что одна из глав этой книги посвящена европейской военно-политической проблематике. Причем взгляд Достоевского на разворачивавшиеся в Европе события по-своему уникален, поскольку русский писатель обращается к ним одновременно с

четырёх позиций — как современник, непосредственный очевидец, исследователь и пророк.

При этом следует подчеркнуть, что военная тема была как бы изначально вписана в жизненную и творческую биографию Достоевского. Отец писателя, Михаил Андреевич Достоевский, во время Отечественной войны 1812 года служил в русской армии в качестве медика. Позднее сам Достоевский, окончив Инженерное училище в 1843 году, в чине полевого инженера-подпоручика был зачислен в Петербургскую инженерную команду, в которой прослужил вплоть до выхода в отставку в октябре 1844 года. Таким образом, писатель, имевший специальное военное образование, хорошо разбирался в военной тематике, и, благодаря полученному опыту и знаниям, имел возможность концептуально рассматривать ее не только извне, но и изнутри.

Материалы и методы.

Основным материалом для исследования послужил эпистолярный (дневниковые записи и личная переписка), также объектом и материалом рассмотрения стало публицистическое творчество («Дневник писателя») Ф.М. Достоевского. Данная выборка обусловлена тем, что анализ именно этих жанров позволяет выявить предмет исследования — личное отношение Достоевского к войне. Историко-генетический метод в совокупности с биографическим подходом дают возможность проследить генезис и эволюцию провоенных взглядов писателя, показать причинно-следственные связи и закономерности их разворачивания в эпохальном контексте. Системно-типологиче-

ский метод позволяет выявить характерные черты и оригинальные особенности философии войны Достоевского.

Результаты исследования.

Интерес Достоевского к войне и военно-политической проблематике весьма отчетливо прослеживается уже в первой половине 1860-х годов. Тогда Достоевский, соредактор журналов «Время» (1861-1863) и «Эпоха» (1864-1865), пристально наблюдал за ходом итальянского Рисорджименто, сопровождавшегося военными столкновениями, и польского январского восстания в Российской империи в 1863 году. Фактологический материал «римского вопроса» и «польского вопроса», с которым Достоевский был хорошо знаком, подробно рассмотрен нами в отдельной статье [2], поэтому ограничимся лишь главными выводами. Позиция Папства и действия его сторонников, направленные на сохранение светской власти в Италии, — поддержка вооруженных выступлений, заговоров и антигосударственной пропаганды на территории Итальянского королевства, оценивались Достоевским в негативном ключе. Прямая поддержка польским католическим духовенством (как низшим, так и высшим) январского восстания 1863-1864-х годов также вызвала резко отрицательную реакцию Достоевского. Исходя из этого, неслучайным представляется тот факт, что именно в данный период (первая половина 1860-х годов) начинает оформляться устойчивая неприязнь писателя к папству и католицизму.

В рамках данного исследования важно, прежде всего, то, что уже в 1863-1864-е годы, в период польского восстания, в дискурсе Достоевского впервые возникает тема войны: «Польская война есть война двух христианств — это начало будущей войны православия с католичеством, другими словам — славянского гения с европейской цивилизацией» [3, т. 20: 170]. В этой небольшой ремарке, занесенной

писателем в Записную книжку, определенно звучат важные для Достоевского историософские установки. Во-первых, писатель констатирует неизбежность грядущей общеевропейской войны, во-вторых, придает ей религиозно-конфессиональный характер и, в-третьих, уточняет, что сторонами этого противостояния будет Россия/славянский гений и Европа. Весьма интересна в данном контексте реплика Н.О. Лосского, утверждавшего, что «поворот к православию начался у Достоевского не с усмотрения положительной ценности своей Церкви, а с отталкивания от чужого вероисповедания, именно от католицизма» [4]. Логика Н.О. Лосского можно продолжить и уточнить, что «отталкивание от католицизма» происходило не только на фоне военных конфликтов в Италии и российской Польше, но во многом и по их причине.

События франко-прусской войны 1870-1871-го годов, непосредственным очевидцем которых оказался Достоевский, также важны с историософской точки зрения. 30 декабря 1870 года, уже после генерального сражения у Седана, писатель, находясь в Дрездене, направляет письмо своему другу А.Н. Майкову. Среди прочего, Достоевский пишет: «Ну разве не младенец тот русский (а ведь почти все), который верит, что пруссак победил школой? Это похабно даже. Хороша школа, которая грабит и мучает, как Атилла орда? (Да и не больше ли?)» [3, т. 29, кн. 1: 161]. Такая нелюбимая характеристика прусской армии победителей дополняется упоминанием некоего немецкого «влиятельного ученого», который в одной из дрезденских библиотек выкрикивал следующую фразу: «Paris muss bombardiert sein!» [3, т. 29, кн. 1: 162]. К.В. Мочульский отмечает: франко-прусская война и парижская коммуна окончательно убеждают Достоевского в том, что «борьба между европейским Антихристом и русским Христом близка и неизбежна»

[5]. Словосочетание «русский Христос» впервые появляется на страницах романа «Идиот» (1868) именно в антизападном и антикатолическом ключе. Князь Мышкин в заключение своего монолога (VII глава, IV часть) говорит: «О, нам нужен отпор, и скорей, скорей! Надо, чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили и которого они и не знали!» [3, т. 8: 451], «покажите ему (русскому человеку – прим. автора) в будущем обновление всего человечества и воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, русским Богом и Христом...» [3, т. 8: 452]. Немецкий славист Л. Мюллер поясняет: ««Русским» этот Христос может быть назван лишь в том смысле, что его лик сохранен русским народом (по мнению Достоевского) в изначальной чистоте» [6]. Обновление и спасение человечества должно осуществиться именно через явление миру евангельского Лица «русского Христа» – альтернативы «европейскому Антихристу», т.е. обезбоженному Западу с его папским католицизмом и социализмом.

Кроме того, К.В. Мочульский верно отметил, что Достоевский, во-первых, «видел историю мира в свете Апокалипсиса, в образах последней борьбы между Богом и дьяволом» [5], и, во-вторых, «исступленно верил в религиозное призвание России» [5]. Именно в следующем европейском международном конфликте – русско-турецкой войне 1877-1878-х годов, как в фокусе сошлись обе характеристики религиозных и историософских воззрений писателя. Русско-турецкая война, борьба за освобождение поработенных братьев-славян от османского владычества составляет самый яркий и важный материал по военно-политической тематике во всем творчестве Достоевского. И именно на этом материале Достоевский, прямо и косвенно, озвучивает свое личное отношение к войне как феномену исторического бытия человечества. Публикации «Дневника

писателя» второй половины 1870-х — начала 1880-х годов отмечены не только нарастанием и ужесточением антизападной и антикатолической риторики Достоевского, но и формулированием писателем собственной геополитической программы и собственной *философии войны*.

В апрельском выпуске «Дневника писателя» от 1876 года Достоевский помещает статью под названием «Парадоксалист». В ней писатель ведет вымышленный разговор с неким господином, «самым мирным и незлобивым человеком, который только может быть на свете» [3, т. 22: 122]. Этот миролюбивый господин неожиданным образом высказывает на первый взгляд парадоксальные и шокирующие соображения в защиту и оправдание войны как таковой. Аргументацию парадоксалиста можно свести к следующим тезисам: а) в отличие от междоусобной, братоубийственной войны, война международная приносит пользу, а потому «совершенно необходима» [3, т. 22: 123]; б) война пробуждает в сердцах людей «великодушные идеи» [3: т. 22: 123], главная из которых — готовность отдать свою жизнь за братьев и Отечество; в) человечество любит войну именно потому, что люди желают «участвовать в великодушной идее» [3: т. 22: 123]; г) долгий мир ожесточает людей, а потому война единственно помогает преодолеть духовно-нравственный разврат мирного времени [3, т. 22: 123-124]; д) в мирное время наука гложет, а искусство огрубляется, пошлеет и проникается ложью, война же развивает науку и искусство и ориентирует их на достижение высших ценностей/целей [3: Т. 22. 124]; е) христианство признает неизбежность войны в этом мире [3, т. 22: 124-125]; ё) война воспитывает в людях человеколюбие и братолюбие, «заставляя их взаимно уважать друг друга» [3, т. 22: 125]; ж) во время войны, на поле боя отменяется социальное неравенство, война «поднимает дух народа и его

сознание собственного достоинства» [3, т. 22: 126]. Заключает свою речь парадоксалист такими сильными словами: «Нет, война *в наше время* необходима; без войны провалился бы мир, или, по крайней мере, обратился бы в какую-то слизь, в какую-то подлую слякоть, зараженную гнилыми ранами...» [3, т. 22: 126].

Вымышленный диалог Достоевского с господином-парадоксалистом, и, особенно, аргументация парадоксалиста, широко известны. Вопрос заключается в том, возможно и правомерно ли усваивать взгляды парадоксалиста самому Достоевскому? Тождественны ли беллицистские взгляды парадоксалиста убеждениям писателя? Священник Павел Хондзинский, верно указал на то обстоятельство, что идеи, высказываемые героями произведений писателя предложены читателю именно Достоевским, «и по крайней мере в этом смысле являются идеями Достоевского» [7]. Формально верное, это наблюдение, однако, носит общий характер и не может послужить для нас подспорьем в предметном литературоведческом исследовании. Тем не менее, в нашем случае мы можем убедительно и однозначно доказать тот факт, что устами парадоксалиста говорит сам Достоевский. Для этого необходимо возвратиться к контексту франко-прусской войны 1870-1871-х годов. Если после генерального сражения у Седана и поражения французов Достоевский критикует немцев, сравнивая их вторжение во Францию с нашествием «Атилловой орды» [3, т. 29, кн. 1: 161], то буквально накануне битвы, в письме племяннице С.А. Ивановой от 17 (29) августа 1870 года, писатель сообщает: «Без войны человек деревенеет в комфорте и богатстве и совершенно теряет способность к великодушным мыслям и чувствам и неприметно ожесточается и впадает в варварство» [3, т. 29, кн. 1: 137]. Далее Достоевский, вполне в духе провиденциализма, пишет: «Франция слишком очерствела

и измельчала. Временная боль ничего не значит: она ее перенесет и воскреснет к новой жизни и к новой мысли ... неужели Вы не видите руки божией?» [3, т. 29, кн. 1: 138]. В этом же письме мы находим будущий тезис парадоксалиста о том, что до наступления войны «наука ведь падала в узком материализме, за отсутствием великодушной мысли» [3, т. 29, кн. 1: 138].

Провиденциалистским аргументом не исчерпывается теологическая составляющая размышлений писателя о феномене войны. В Записной тетради 1875-1876-х годов встречаем следующую запись: «Война, меч расковать на орала. Ложная мысль. Загниет человечество в таком мире. Надобен мир по-иному – Христов. До Христа и не перестанет война, это предсказано» [3, т. 24: 97]. Логика рассуждений Достоевского отталкивается от знаменитого, ставшего крылатым выражения из книги пророка Исаии «перекуют мечи свои на орала, и копья свои – на серпы» [8] и переходит в русло иного ветхозаветного пророчества, прямо противоположного первому. В своих размышлениях писатель как бы вторит пророку Иоилу и провозглашает вслед за ним: «Перекуйте орала ваши на мечи и серпы ваши на копья» [8]. Согласно Достоевскому данный выбор обусловлен тем, что Сам Христос в Евангелии предсказал неизбежность войн в истории: «Когда же услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть, – но это еще не конец» [8]. Неизбежность войн, в свою очередь, обусловлена падшим состоянием человечества, его греховностью. Преодоление этого состояния Достоевский видел, прежде всего, в коллективном нравственном усилии — в этом убеждении сказывалась неизжитая со времен петрашевцев утопическая вера Достоевского в наступление «золотого века» человечества и не менее утопическая приверженность концепции антропологического оптимизма. Одним

из проявлений оптимистического взгляда на актуальное состояние человека как раз и была вера в то, что «моральное перерождение всех или многих способно решить главные социальные проблемы человека» [9]. Тем не менее, в данном случае мы не даем оценок религиозным и историческим воззрениям Достоевского, но лишь следуем логике его размышлений. Писатель, несмотря на некоторую склонность к утопическим воззрениям, в размышлениях о войне предстает пред нами верующим реалистом. Он уповает на Промысел Божий, верит в предсказанную Христом неизбежность войн и, самое главное, понимает, что в условиях падшего человечества состояние перманентного мира невозможно. Антропологический оптимизм в данном случае корректируется антропологическим реализмом и здравым смыслом.

В Записной тетради 1876-1877-х годов, среди помет, планов и тематических набросков к статьям «Дневника писателя», находим следующую запись Достоевского: «Непременно. О том, что война лучше теперешнего положения общества» [3, т. 24: 130]. Один из современных исследователей резюмирует: «Достоевский 70-х гг. XIX в. – это непоколебимый сторонник войны. Он ее ждал, на нее надеялся» [10]. Действительно, начало войны с Турцией писатель встречает с воодушевлением. В апрельском выпуске «Дневника писателя» Достоевский уже публично, а не в личной переписке или на страницах записной тетради, выражает свои провоенные убеждения. Спустя ровно год после публикации «Парадоксалиста» Достоевский в «апрельских тезисах» полностью солидаризируется с позицией вымышленного персонажа, заимствуя его риторику и концептуальную аргументацию.

Писатель констатирует, что начавшийся военный конфликт послужит спасению не только угнетаемых турками братьев-славян, но и самой

России: «война освежит воздух, которым дышим и в котором мы задохнулись, сидя в немощи рабства и в духовной тесноте» [3, т. 25: 95]. Жертвенный подвиг солдат демонстрирует «подъем духа нации ради великодушной идеи» [3, т. 25: 95] и это «есть толчок вперед, а не озверение» [3, т. 25: 98]. Если долгий мир с его умственным застоём, трусостью, грубостью и ожирелым эгоизмом «зверит и ожесточает человека» [3, т. 25: 101], то война за великодушную идею, наоборот, «очищает зараженный воздух от скопившихся миазмов, лечит душу, прогоняет позорную трусость и лень ... укрепляет каждую душу сознанием самопожертвования, а дух всей нации сознанием взаимной солидарности и единения все членов, составляющих нацию» [3, т. 25: 102]. Здесь же Достоевский проводит важное различие между войной за великодушную идею (бескорыстная помощь угнетаемым, поддержка слабых, восстановление попорченной справедливости и пр.) и войной «из-за приобретения богатств» [3, т. 25: 98] и потребностей «ненасытной биржи» [3, т. 25, 98]. Эти войны, ведущиеся для материального интереса, для жадного захвата и из гордого насилия [3, т. 25: 103] Достоевский осуждает, равно как и весь европейский буржуазно-мещанский миропорядок. «Что святее и чище подвига такой войны, которую предпринимает теперь Россия?» [3, т. 25: 98] – задается вопросом писатель, постулируя, что такая война «целительна» [3, т. 25: 103] и спасительна как для братьев-славян, так и для самой России.

Известно, что метафизическая проблематика, в различных ее аспектах, обширно представлена в наследии Достоевского [11]. В общий философский контекст творчества писателя вписывается и провоенная аргументация Достоевского-Парадоксалиста, восходящая к беллицистским положениям немецкой философии первой половины XIX века. Размышления о войне

И. Канта и Г.Ф. Гегеля составляют, на наш взгляд, основной концептуальный каркас философии войны Достоевского. Вопрос о том, каким образом Достоевский познакомился с творчеством Канта и Гегеля, до сих пор остается открытым и дискуссионным, однако сам факт знакомства признан доказанным [12;13;14]. Концептуальные корреляции между творчеством писателя и творчеством немецких философов прослеживаются сразу по нескольким направлениям, в том числе и в аспекте философии войны.

К примеру, в «Критике способности суждения» (1790) Кант находим следующее утверждение: «Даже война, если она ведется правильно и со строгим соблюдением гражданских прав, содержит в себе нечто возвышенное и в то же время делает образ мыслей народа, который так и ведет войну, тем более возвышенным, чем большим опасностям он подвергался, сумев мужественно устоять перед ними; и, напротив, продолжительный мир обычно делает господствующим один лишь торгашеский дух, а вместе с ним низменное своекорыстие, трусость и изнеженность и снижает образ мысли народа» [15]. В трактате «К вечному миру» (1795) Кант формулирует тезис об обусловленности войн природой человека: «Для самой же войны не нужны особые побудительные мотивы: она привита, по-видимому, человеческой природе...» [16]. По мнению немецкого философа, прекращение военных конфликтов станет возможно лишь по достижении «совершенной культуры» [17], спутником которой будет «постоянный мир» [17]. Схожие мысли находим и у Достоевского: «может быть, и по законам, каким-нибудь законам природы человеческой, например война каждые 25 лет» [3, т. 24: 291]; «были бы христиане, уладили бы всё. Но невозможно быть христианам пока всем, возможны лишь отдельные случаи» [3, т. 24: 291]. В целом, как отмечает исследователь, «война у Канта

оказывается делом чести, которая может быть выше жизни. Она может породить состояние равенства и благородного мужества, а также производить некоторые добродетели» [18: 646].

Среди наиболее важных тезисов Гегеля о войне нас интересует, прежде всего, мысль философа о нравственном аспекте войны. В работе «О научных способах исследования естественного права» (1802) Гегель пишет, что война сохраняет нравственное здоровье (*sittliche Gesundheit*) народов [17: 651]. Немецкий философ утверждает, что войну «не следует рассматривать как абсолютное зло и чисто внешнюю случайность» [19], постулируя высокий нравственный момент войны [19]. Достоевский в различных публикациях «Дневника писателя» также утверждает, что война может быть спасительной и «целительной» [3, т. 25: 103] как для отдельного человека, так и для всего воюющего общества в целом. Как видно, генезис провоенной аргументации Достоевского в основных своих чертах восходит к положениям философии войны И. Канта и Г.Ф. Гегеля.

Однако следует заметить, что военная тематика в контексте русско-турецкой войны важна для Достоевского не только с философской, но и с геополитической точки зрения. Тема войны, равно как и сам военный конфликт с Османской империей, является для Достоевского переходом к размышлениям о религиозно-исторической миссии России. Именно эта историософская надстройка, по сути, является центральной в размышлениях Достоевского о русско-турецкой войне. Война как концепт в творчестве писателя 1870-1880-х годов важен не только и не столько как футуристический образ, образ неизбежного грядущего, сколько как промежуточный и обусловливающий этап нового послевоенного будущего. Такую трактовку как бы предлагает нам сам Достоевский в короткой ремарке в Записной

тетради 1875-1876-х годов: «Будущее России; будущее Европы. Война» [3, т. 24: 108]. Эту запись можно прочитать и понять двояким образом. При обратном прочтении получается, что будущее – это не сама война, а последующая перспектива. Именно в таком русле Достоевский будет размышлять в период русско-турецкой войны, воспринимая ее лишь как временный переходный этап к *новому будущему*.

«Нашему царю определено судьбой поправить наше упущенное влияние на Востоке» [3, т. 24: 297] – вносит Достоевский в Записную тетрадь 1876-1877-х годов. Война открыла перед Россией такую возможность. В ходе войны писатель формулирует одну из важнейших целей России: «Константинополь должен быть наш, завоеван нами, русскими, у турок и остаться нашим навеки» [3, т. 26: 83]. В этом Достоевский видит существенный этап в разрешении «Восточного вопроса», поясняя: «Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб православия. Судьба православия слита с назначением России» [3, т. 26: 85]. Назначение же России как «носительницы идеи Христовой» [3, т. 26: 85] заключается в спасении обезбоженной Европы от самой себя — с ее «дохлым католицизмом» [3, т. 28, кн. 2: 243] и богоборческим социализмом.

Занятие Константинополя, объединение славян под эгидой России представляются писателю лишь необходимым этапом в подготовке к грядущей всеевропейской войне. Л.П. Гроссман обрисовывает ее контуры в мировоззрении Достоевского: «Великое столкновение романства, германства и славянства представляется ему борьбой за окончательное приятие человечеством христианства в форме католичества, протестантства или православия. Считая католицизм учением антихристианским, Достоевский допускает временное господство в Западной Европе протестантства

с его безграничной свободой совести и исследования, веря в будущее всемирное торжество православия, единственно сохранившего во всей чистоте омраченный и искаженный на Западе образ Христа» [1].

Обсуждение.

Наш анализ демонстрирует, что военная тематика в творческом наследии Достоевского играет большую роль, чем принято считать. Согласно замечанию одного из современных исследователей, для Достоевского особое значение в контексте русской истории имели четыре войны – Смутное время и его преодоление в 1612 году, Отечественная война 1812 года, Крымская война 1853-1856-х годов и русско-турецкая война 1877-1878-х годов [9]. При этом, если первые три войны велись Россией за обретение политической самостоятельности и независимости, то исход последней, русско-турецкой войны 1877-1878-х годов, по мнению Достоевского, определял историческую будущность России в глобальном масштабе. Перспективным будет изучение внутренней взаимосвязь всех четырех военных конфликтов, соединявших в мировоззрении писателя, прошлое, настоящее и будущее России. Кроме того, востребованным оказывается комплексное обсуждение художественного воплощения военной идеи в романах Достоевского, например таких тем, как образ Наполеона и наполеонизм в «Преступлении и наказании», Отечественная война 1812 года в романе «Идиот» и пр. Игнорирование же военной проблематики, нивелирование ее значения в творческом замысле писателя, наоборот, препятствует адекватному изучению как художественного наследия Достоевского, так и той религиозно-философской и исторической системы взглядов, которой он придерживался.

Заключение.

Высказанная Достоевским в Записной книжке 1863-1864-х годов

мысль о будущей войне России и Европы, в основе которой лежит религиозно-конфессиональный и цивилизационный конфликт, проходя рефреном (как эксплицитно, так и имплицитно) через все творчество писателя 1860-1880-х годов, замыкается на теме всевропейской войны романства (католичество), германства (протестантизм) и славянства (православие). На страницах записных книжек, в личной переписке и публицистических статьях Достоевский анализирует феномен войны с точки зрения ее этической, теологической, культурно-социологической и общественно-политической составляющей, и, опираясь на

христианскую доктрину, а также на философские тезисы И. Канта и Г.Ф. Гегеля, занимает отчетливую антипацифистскую позицию. Война воспринимается писателем как явление сложное и комплексное, неоднозначное и парадоксальное, предполагающее различные, порой прямо противоположные, варианты трактовки. Помещенная в историко-философский контекст, война становится для Достоевского неизбежным образом будущего Европы и России и, одновременно, переходным этапом к новому будущему, главное место в котором определено России в силу ее религиозно-исторического призвания.

Примечания:

1. Гроссман Л.П. Достоевский и Европа. URL: http://az.lib.ru/g/grossman_l_p/text_1915_dostoevski_i_evropa.shtml (дата обращения: 31.01.2023).
2. Юдахин А. А. Достоевский и «римский вопрос» (1862–1865 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. № 84.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград, 1972.
4. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953. С. 81.
5. Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество. Р., 1947. С. 329.
6. Мюллер Л. Образ Христа в романе Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 383.
7. Хондзинский П., прот. «Церковь не есть академия»: русское внеакадемическое богословие XIX века. Москва, 2016. С. 332.
8. Библия. Синодальный перевод на русском языке. URL: <http://www.my-bible.info/biblio/biblija/> (дата обращения: 18.02.2023).
9. Ореханов Г., прот. Лев Толстой. «Пророк без чести». Хроника катастрофы. Москва, 2016. С. 74.
10. Кочуков С.А. Ф.М. Достоевский и русско-турецкая война 1877-1878 годов // Известия Саратовского университета. Нова сер. Сер.: История. Международные отношения. 2010. № 2. С. 71.
11. Капец В.П., Капец О.В. Метафизика в творчестве Ф.М. Достоевского: антропологический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2019. Вып. 3 (242). С. 107-112.
12. Мехед Г.Н. Опыт сравнительного исследования этики И. Канта и Ф.М. Достоевского: методологический комментарий // Философская мысль. 2016. № 11. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20302 (дата обращения: 31.01.2023)
13. Капец О.В., Шишхова Н.М. Философская проблематика романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2019. Вып. 3 (242). С. 114.
14. Бачинин В.А. Достоевский и Гегель (к проблеме «разорванного сознания») // Достоевский: материалы и исследования. Т. 3. Ленинград, 1978. С. 15.

15. Кант И. Критика способности суждения / пер. с нем. Н.М. Соколова, М.И. Левиной, Н.В. Мотрошиловой, Т.Б. Длугач // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. 4. Москва, 2001. С. 399.

16. Кант И. К вечному миру / пер. с нем. Л.А. Комаровского, Т.И. Ойзермана // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. 1. Москва, 1994. С. 415.

17. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории / пер. В.А. Жучкова // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. 1. Москва, 1994. С. 185.

18. Круглов А.Н. Беллицистский взгляд Гегеля на войну. Исходное состояние и ранние произведения // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2022. Т. 26, № 3.

19. Цит. по: Румянцева Т.Г. Г. Гегель о правомерности и нравственном значении войн versus кантовской идеи «вечного мира» // Социология. 2013. № 2. С. 72.

References:

1. Grossman L.P. Dostoevsky and Europe: [Electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/g/grossman_l_p/text_1915_dostoevski_i_evropa.shtml (date of address: 31.01.2023).

2. Yudakhin A.A. Dostoevsky and the “Roman question” (1862-1865) // Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Ser. I: Theology. Philosophy. Religious studies. 2019. No. 84

3. Dostoevsky F.M. Complete works in thirty volumes. L., 1972.

4. Lossky N.O. Dostoevsky and his Christian worldview. N.-Y., 1953. P. 81.

5. Mochulsky K. Dostoevsky. Life and works. P., 1947. P. 329.

6. Muller L. The image of Christ in Dostoevsky’s novel “The Idiot” // Problems of historical poetics. 1998. No. 5. P. 383.

7. Khondzinsky P., prot. “The Church is not an academy”: Russian extra-academic theology of the 19th century. M., 2016. P. 332.

8. The Bible. Synodal translation in Russian: [Electronic resource]. URL: <http://www.my-bible.info/biblio/biblija/> (date of access: 18.02.2023).

9. Orekhanov G., prot. Leo Tolstoy. “A prophet without honor.” Chronicle of the catastrophe. M., 2016. P. 74.

10. Kochukov S.A. F.M. Dostoevsky and the Russian-Turkish War of 1877-1878 // Izvestiya of Saratov University. New Ser. Ser. History. International relations. 2010. No. 2. P. 71.

11. Kapets V.P., Kapets O.V. Metaphysics in the works of F.M. Dostoevsky: the anthropological aspect // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2019. Iss. 3 (242). P. 107-112.

12. Mekhed G.N. Experience of comparative research of ethics of I. Kant and F.M. Dostoevsky: methodological commentary // Philosophical Thought. 2016. No. 11: [Electronic resource]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20302 (date of access: 31.01.2023).

13. Kapets O.V., Shishkhova N.M. Philosophical problematics of F.M. Dostoevsky’s novel “The Karamazov Brothers” // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2019. Iss. 3 (242). P. 114.

14. Bachinin V.A. Dostoevsky and Hegel (on the problem of “torn consciousness”) // Dostoevsky: Materials and research. Vol. 3. L., 1978. P. 15.

15. Kant I. Criticism of the ability of judgment / transl. from German by N.M. Sokolova, M.I. Levina, N.V. Motroshilova, T.B. Dlugach // Kant I. Essays in Russian and German / ed. by N.V. Motroshilova, B. Tushling. Vol. 4. M., 2001. P. 399.

16. Kant I. To the Eternal world / transl. by L.A. Komarovskiy, T.I. Oyzerman // Kant I. Essays in Russian and German / ed. by N.V. Motroshilova, B. Tushling. Vol. 1. M., 1994. P. 415.

17. Kant I. The supposed beginning of human history / transl. by V.A. Zhuchkova // Kant I. Essays in Russian and German / ed. by N.V. Motroshilova, B. Tushling. Vol. 1. M., 1994. P. 185.

18. Kruglov A.N. Hegel's Bellicist view of War. Initial state and early works // Bulletin of RUDN. Ser.: Philosophy. 2022. Vol. 26. No. 3.

19. Quoted on: Rummyantseva T.G. on the legitimacy and moral significance of wars versus Kant's idea of "eternal peace" // Sociology. 2013. No. 2. P. 72.

Статья поступила в редакцию 25.10.2022; одобрена после рецензирования 19.11.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The paper was submitted 25.10.2022; approved after reviewing 19.11.2022; accepted for publication 20.12.2022.

© А. А. Юдахин, 2022